

МАРИНА СЕРОВА

**Моя любимая
девочка**

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
Моя любимая девочка
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184288

Моя любимая девочка. Будет все, как ты захочешь!: Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-36942-3

Аннотация

К частному детективу Татьяне Ивановой обращается режиссер Альберт Веселовский с просьбой помочь его другу Короткову. Друга арестовали, застав с ножом над трупом соседки. Коротков всегда славился вздорным характером. В день убийства он как раз прилюдно поскаandalил с убитой соседкой. Жертва – Наталья Белокопытова – в то утро, в свою очередь, серьезно поссорилась с мужем, которому много лет отравляла жизнь. Впрочем, не только ему. Таким образом, кроме Короткова, на подозрении муж скандалистки, но обе надежные версии Татьяны одна за другой рушатся, как карточные домики...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	23
Глава вторая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марина Серова

Моя любимая девочка

Пролог

Звонок будильника прозвучал, как всегда, резко и неожиданно. Наталья ненавидела этот звонок, потому что он означал, что ей предстоит встать, хотя до начала ее рабочего дня было еще три часа. Вставать, чтобы готовить завтрак мужу, который уходил на работу гораздо раньше ее.

Наталья не любила хозяйственные дела, а больше всего не любила готовить. Хотя нет, не так. Больше всего она не любила своего мужа. А мысль о том, что готовить приходится именно для него, ничуть не добавляла ей радости.

Она посмотрела на Аркадия, его глаза были закрыты. «Еще полчаса дрыхнуть будет!» – с ненавистью подумала она и резко поднялась. В ванной она привела себя в порядок и прошла в кухню. Открыла холодильник и достала три яйца. Разбивая их над сковородкой, посмотрела в окно. День был хмурым, пасмурным и холодным. Отвлечшись, Наталья неосторожно плеснула третье яйцо, и оно начало растекаться по сковороде. Она знала, что Аркадий этого терпеть не может, но ей было наплевать. Собственно, он уже и не высказывал претензий по поводу ее стряпни, всегда одинако-

вой и незатейливой. Пытался, правда, в первое время после свадьбы, но Наталья быстро дала ему понять, кто в доме хозяин, пояснив, что бытовые вопросы ее интересуют меньше всего. И он привык и не пытался больше возражать. Просто затаих и ушел в себя.

Выключив конфорку, Наталья поставила яичницу прямо в сковороду на стол и тут только вспомнила, что забыла ее посолить. Вздыхнув, посыпала готовое уже блюдо солью и пошла будить мужа. Присев на край постели, она некоторое время смотрела на лицо мужа, на котором даже во сне сохранялось выражение какой-то тревоги и усталости.

«А ведь он меня тоже ненавидит», – неожиданно подумала Наталья, и почему-то от этого осознания ей стало не по себе. Нет, она никогда не питала иллюзий на его счет, знала, что он никогда не любил ее, знала, почему он на ней женился... Ведь она сама так хотела! Но все же...

– Вставай! – громче, чем следовало, произнесла она и тронула Аркадия за плечо. – Завтрак готов.

Он открыл глаза и, шурясь, посмотрел на жену. Потом отвел взгляд, закинул руки за голову и задумался.

– Ты будешь вставать или нет? – раздраженно повторила Наталья. – Завтрак готов уже.

Аркадий снова перевел взгляд на жену, и Наталья неожиданно заметила в его взгляде что-то новое. Что-то пока непонятное ей и оттого показавшееся страшным.

– Хоть бы ты исчезла куда-нибудь, – вдруг ровно, без всяких эмоций произнес он и поднялся с постели.

От изумления Наталья даже не нашлась, что сказать. Она пришла в себя только тогда, когда муж уже вышел из ванной и направился в кухню. Наталья поспешила за ним. Присев на стул, Аркадий вяло ковырял вилкой яичницу, но не ел.

– Ну, так ты объясни, – насмешливо начала она. – Куда это я должна исчезнуть из своей собственной квартиры? Может быть, это тебе следует исчезнуть?

– А я именно это и собираюсь сделать, – отодвинув сковородку, спокойно ответил Аркадий. – И уже давно!

Он взял бокал с чаем и стал пить, глядя в окно. Эти слова его явились для Натальи еще большей неожиданностью. Она знала, что жизнь их никак нельзя было назвать хорошей, отношения – теплыми, а брак – счастливым. Но все же это был брак, она имела статус законной жены, муж хорошо зарабатывал, во многом благодаря ее отцу, у них, в конце концов, рос сын... В этой, пусть безрадостной, жизни была стабильность. А тут...

Наталья, несмотря ни на что, всегда была уверена, что Аркадий никуда от нее не уйдет. Несколько раз после очередной ссоры он в сердцах заявлял ей, что бросит все к чертовой матери и исчезнет, но Наталья знала, что это просто эмоции. Но сегодня он произнес эти слова как-то до жути спокойно и убежденно, словно все давно решил. А раньше, как бы они ни ругались, ни скандалили, Наталья знала, что он останется

с ней и все будет привычно плохо, пусть плохо, но привычно! Куда он может уйти? Как? Кто он без нее?

Эти мысли, вихрем пронесшиеся в голове Натальи, восстановили понемногу ее уверенность в себе, и она, криво усмехнувшись, решила проучить своего зарвавшегося супруга.

– Давай, давай! – начала она, покачивая головой и с чувством превосходства глядя на мужа. – Куда только ты пойдешь? К родителям в коммуналку? Или квартиру снимать? Так имей в виду – после такой выходки ты быстро слетишь со своего места и пойдешь на мизерную зарплату, на которую не то что квартиру снять – пива купить будет проблемой! Я все папе расскажу! – и она победоносно посмотрела на мужа.

– Хватит пугать меня своим папой! – резко произнес Аркадий и встал. – Я тебе сказал, что ухожу, и я так и сделаю. И заранее предупреждаю, что сегодня я домой не приду, так что не ищи меня по всей родне и друзьям.

– Это где же ты ночевать собираешься? – нехорошо прищурилась Наталья.

– Не волнуйся, у меня есть где. И жить есть где.

– Ах вот оно что! – понимающе кивнула Наталья. – Бабу себе нашел, да? Так, во-первых, знай, что она с тобой собирается жить потому, что ты сейчас финансовый директор. А вот когда ты пойдешь на вокзал вагоны разгружать или троллейбусы водить, то посмотрим, сколько она это выдержит! И сам же сюда приползешь, потому что больше тебе некуда! И

еще имей в виду – четверть бюджета будут съедать алименты, на которые я непременно подам!

– Это уж непременно! – усмехнувшись, согласился Аркадий. – Не сомневаюсь, что подашь. Только еще раз повторяю: перестань меня пугать, а? Ты меня настолько достала, что любая другая жизнь для меня гораздо лучше, чем с тобой.

– Кирилл останется со мной! – дрожащим голосом выдала Наталья самый главный козырь.

«Ребенок! – мелькнуло у нее в голове. – Вот от чего он не откажется!»

– Иного я от тебя и не ожидал, – пожал плечами Аркадий, допивая чай. – Только видеться с ним ты мне все равно не сможешь запретить, так что извини. А потом он и сам сможет выбрать, с кем ему лучше. А ты его и видишь-то раз в месяц.

Аркадий поставил пустой бокал в раковину и пошел в прихожую одеваться. Наталья растерялась. Впервые в жизни Аркадий вел себя так независимо, на него совсем не действовали ее обычные методы прессинга. Она уже не знала, на что ей надавить, но и оставить все так не могла. Услышав, что муж уже обувает ботинки, она вскочила со стула и вылетела в коридор.

– Ты не можешь меня так оставить, потому что... Потому что это подло! – выпалила она. – Ты даже не посоветовался со мной, ты меня просто ставишь перед фактом.

– Брось ты, когда это мы советовались друг с другом, – завязывая шнурок, сказал Аркадий.

– Но ты можешь хотя бы сказать мне, куда ты уходишь?! – в отчаянии закричала она.

– Наташа... – Аркадий поднял на нее усталые глаза. – Ну зачем тебе это? К чему весь этот разговор? Ведь бессмысленно все и бесполезно. Я пошел, опаздываю уже. И хватит тебе, я же знаю, что ты по мне убиваться не будешь. А жить станешь, может, и лучше. Ну зачем я тебе нужен? Ты и сама зарабатываешь, и отец помогает, и мать с ребенком сидит. Найдешь себе кого-нибудь другого, и довольно быстро, ну? – Аркадий говорил мягко и даже потрепал жену за плечо. – А я за вещами попозже зайду.

– За вещами? – в глазах Натальи появилась злоба. Она резко скинула руку мужа. – Так вот знай – никаких твоих вещей здесь нет, ясно? Здесь все только мое! А ты... Ты просто голодранец! Все, что здесь есть, куплено на мои деньги и деньги моего отца! А если ты что и заработал, то опять же благодаря ему! А квартира, между прочим, на меня оформлена, а машина – на папу, ты на ней по доверенности едешь, если забыл! А после такого папа тебя вообще в грязь втопчет, будешь на бирже труда всю жизнь стоять!

– Да, видно, по-хорошему ты вообще разговаривать не умеешь, – тихо, словно самому себе сказал Аркадий и вышел из квартиры.

Наташа бросилась к окну, чтобы убедиться, что муж выходит из гаража машину, и предъявить ему этот факт, но Аркадий направился через двор на автобусную остановку. На-

Наталья бессильно опустила на табуретку, достала из кармана сигареты и закурила. Настроение ее было совсем мрачным.

Да, Аркадий прав, она не станет по нему убиваться. Волновало ее другое. Наталья совершенно не могла представить себя брошенной. Женщина должна быть замужем – в этом Наталья была убеждена. Все-таки что ни говори, а к незамужним или разведенным совсем другое отношение. Такие женщины всегда казались Наталье ущербными.

Вон Настька, сестра ее младшая... Двадцать с лишним лет, а все не замужем. И не ищет. Так и просидит, а к тридцати вообще уже никто не возьмет. Нет, мужиков нужно ловить, а поймав, держать крепко, чтобы уже никуда не вырвался. Неважно чем, лишь бы покрепче. Как ей казалось, Аркадия она держала крепче некуда. А вот ведь вырвался... Волна бешенства снова начала подниматься в ее душе, хотелось отомстить мужу, просто стереть его в порошок и втоптать в грязь. Чтобы на коленях ползал и ноги целовал, простить умолял.

Мысли эти слегка подняли настроение, и Наталья даже принялась обдумывать, как их осуществить. В первую очередь, конечно, позвонить отцу. Аркадий останется без работы и без денег. Затем...

От приятных мечтаний ее отвлек телефонный звонок. Наталья прошла в комнату и сняла трубку.

– Алло?

– Привет, голуба, – послышался хрипловатый голос, и у

Наталья словно тяжелый комок в груди оторвался и бухнулся куда-то в ноги. Она узнала этот голос. И появление его обладателя на горизонте не предвещало для нее ничего хорошего. Он появлялся уже не первый раз, и Наташа вспомнила тот первый их разговор по телефону, произошедший неделю назад. Тогда она тоже сразу узнала этот голос, но сделала вид, что не понимает, о чем речь...

– Вам... кого? – выдавила она тогда.

– Да ладно, не прикидывайся! – засмеялся собеседник. – Ты ж меня сразу узнала. К тому же одна дома сейчас, я знаю. Нам бы, голуба, перечеркивать с тобой.

– О чем? – стараясь говорить спокойно и не замечая, как сигарета в дрожащих пальцах прожигает дыру на покрывале, спросила Наталья.

– Сама знаешь о чем! О бабках, конечно!

– О каких? – упорно продолжала гнуть свою линию Наталья.

– О моих, – уточнил тот.

– Но... я не понимаю тебя!

– Все ты понимаешь. Ты дашь мне деньги, а я промолчу об одном интересном факте, который связывает нас с тобой. И связывает накрепко. И за то, чтобы он не всплыл, ты положишь ту сумму, которую я назову.

– Я... Но у меня нет денег! Ты что думаешь, я дочь миллионера? – Это было не совсем удачным сравнением, и Наталья тут же это поняла.

– Миллионера не миллионера, неважно. Главное, что деньги у твоего папаши есть, да и у тебя тоже.

– Но как я объясню это папе? – закричала Наталья.

– А это уж, голуба моя, твое дело! Я же не спрашиваю, как ты объяснишь мне, что стала женой своего Аркадия и что у вас даже ребенок подрастает. Ты мне это объяснить вряд ли сможешь. Как и то, почему ты...

– Ладно, хватит! – перебила его Наталья. – Это не телефонный разговор! Если хочешь, давай встретимся, я все тебе объясню!

– Мне твои объяснения, голуба моя, теперь ни к чему. Мне бабки нужны.

– Давай встретимся и поговорим. Хорошо, я достану деньги, но только мне нужно время!

– Сколько?

– Ну... Недели две.

– С ума сошла? Завтра!

– Но я не могу! Ты думаешь, это все так быстро делается? Что у нас, деньги по всему дому валяются? Нужно же еще собрать наличные, это не так просто... – Наталья изо всех сил хотела, чтобы он ей поверил и оставил в покое хотя бы на чуть-чуть, чтобы можно было все обдумать.

– Хорошо, даю тебе неделю. За неделю черта достать можно, не то что пятьдесят тысяч! Только, голуба моя, предупреждаю – не пытайся меня надуть или перекрыться. Ты меня когда-то хорошо-о знала...

В трубке запищали короткие гудки, и Наталья поспешно грохнула ее на рычаг. Затем закрыла лицо ладонями и заду-малась. Наталья чувствовала, что у нее сдают нервы. И самое главное, не с кем посоветоваться, потому что рассказать об этом она не может абсолютно никому.

Если она даже признается отцу, тот рассвирепеет и скажет, что только идиот способен выполнять требования шан-тажиста, а он, отец, не идиот. Да, отец, наверное, прав, но что же тогда делать? Ведь если этот подлец все расскажет, то о том, чтобы вернуть Аркадия, и речи быть не может. В этом случае вообще все летит к чертям! Нет, его обязательно нужно остановить, хотя бы на время заткнуть ему рот, а там, может, он и сам сгинет... Вот же принесла нелегкая!

Одним словом, нужно думать, где и как достать деньги. Хорошо еще, что этот психопат потребовал с нее пятьдесят тысяч рублей. Это, в принципе, совсем не запредельная для нее сумма. Правда, она очень боялась, что впоследствии у него может вырасти аппетит. Он же может вообразить, что у них тут золотые россыпи...

С того разговора прошла неделя, и именно сегодня наступал срок, когда она должна была передать деньги своему старому знакомому. Деньги за молчание.

Собственно, деньги достать ей удалось. Половину суммы она выпросила у отца, сославшись на то, что хочет поехать в дом отдыха отвлечься от работы. Остальное удалось срубить на работе. Слава богу, что подвернулось то дело... Однако,

вспомнив, чем обернулось это дело в конечном итоге, Наташа совсем сникла. Неприятности грозили еще и с этой стороны, и неприятности весьма и весьма крупные.

– Черт! – стукнула Наташа кулаком по спинке стула и расплакалась. Сегодняшнее утро определенно выбило ее из колеи.

Она взглянула на часы. До момента, когда она должна отдать деньги, оставалось совсем немного времени. Заставив взять себя в руки и кое-как успокоиться, Наташа принялась одеваться. Лучше поскорее покончить с этим и избавиться хотя бы от одной проблемы. Обо всем остальном она будет думать после.

Наталя натянула джинсы и теплый свитер, полезла в потайное место, где хранила деньги, положила их в сумку и, накинув шубу, пошла к двери. Лифт не работал, и она, окончательно расстроившись, стала спускаться вниз. Она практически ничего не видела перед собой, погруженная в собственные мысли. Она скорее инстинктивно почувствовала, что впереди появилась чья-то фигура. Наташа хотела посторониться, но фигура перегородила ей дорогу. Наташа подняла глаза. В глазах ее застыло удивление.

– Что случилось? – спросила она. – Ты же не соби...

Закончить она не успела. Острая боль, как тонкая игла, пронзила все ее тело, но Наталя даже не успела вскрикнуть – удар был направлен точно, так, чтобы убить сразу... Наталя, обмякнув, повалилась на цементный подъездный пол и,

естественно, не могла видеть, как обшаривают ее сумочку, как с трудом набранная сумма денег исчезает из нее, не могла слышать тихие удаляющиеся шаги...

* * *

Аркадий, отправившись на автобусную остановку, пребывал в состоянии явного нервного возбуждения. Не думал он, что это произойдет утром, что он вот так, еще не совсем выйдя из грез Морфея, объявит своей вконец надоевшей жене о разрыве. Он предполагал, что антураж будет иным. Но он был доволен собой – не позволил себе взорваться, нахамить, распустить руки. Спокойно и сдержанно выслушал несправедливые и абсурдные, с его точки зрения, обвинения и угрозы Наташи и ушел. Так же спокойно и хладнокровно. Так, наверное, и надо продолжать.

Нервное возбуждение его было сопряжено с холодной решимостью. Или сейчас, или, может быть, уже больше никогда. А решение принимать надо было, потому что ну что это за жизнь такая, когда в семье находишься как на линии фронта, когда рядом с тобой, по сути, враг! Нет, мириться с этим уже надоело.

Уже дойдя до остановки и посмотрев вдаль – автобуса не было и пока не предвиделось, – Аркадий задумался. Почесал голову и вынул из кармана мобильник. Почти набрал номер, но нажал сброс. «Наверное, не сейчас, – подумал он. –

Лучше потом». Вынул сигарету, зажег ее и стал, перетапты-
ваясь с ноги на ногу – все же стоял декабрь и было холодно, –
нервно курить.

Когда сигарета уже почти была выкурена, к остановке
подъехал-таки автобус. Однако Аркадий решил не ехать.
Несколько досадуя на свою нерешительность, он запустил
окуроч в урну и порывисто достал телефон. В этот раз он
довел дело до конца.

Услышав в трубке женский голос, он, не представляясь,
коротко сказал:

– Это я. Мне кажется, сегодня пришло время сделать то,
о чем мы договаривались. Ну, насчет Натальи.

– Да? – обрадовалась женщина. – Ты сделаешь это сам?

– Да, – ответил Аркадий. – Я уже подготовил почву. Кста-
ти, ты будешь дома?

– Да, я никуда не собираюсь.

– В таком случае я приеду к тебе и все расскажу.

Аркадий окончил разговор, сложил телефон и тут же по-
здоровался с соседкой, которая только что вышла из авто-
буса. Она кинула на него несколько удивленный взгляд, по-
скольку знала, что Аркадий на автобусах не ездит, а предпо-
читает свой автомобиль. Кивнув женщине, Аркадий заско-
чил в автобус. Однако, проехав пару остановок, он вышел.
Его маршрут в это утро отличался от привычного. На рабо-
ту он твердо решил не ехать, а направился совсем в другое
место.

– Ну, слава богу. Чего так долго-то? – хозяин пропустил гостей в прихожую.

– Мы вообще-то работаем, – важно сообщил один из вошедших, снимая куртку и вешая на вешалку.

– Везет, – вздохнул хозяин. – Ну что, принесли?

– А то! – довольно подмигнул второй. – Вон, гляди!

И он торжественно вручил хозяину квартиры большой полиэтиленовый пакет. Тот заглянул внутрь и, обрадованно потирая руки, сказал:

– Ну, так я пойду все организую, чтоб время не терять!

И, весело напевая на ходу, прошел в кухню. Приятели, раздевшись, тоже просочились туда и расселись по табуреткам. На столе стояла миска с квашеной капустой, с солеными огурцами и три рюмки. Хозяин тем временем достал из пакета две бутылки водки, консервы, а также большой батон.

– Ого! – удивился он, вытаскивая и палку колбасы. – Шикарно живем!

– А то! – снова подмигнул ему один из гостей. – Мы сегодня в магазине грузили. Там директор хороший попался: и заплатил, и из товаров кое-что выделил по себестоимости. А водки аж две бутылки дал. С понятием мужик, знает, что одна бутылка – только горло прополоскать.

– Правда, устали как собаки, – вздохнул второй, прихва-

тывая двумя пальцами щепотку капусты и отправляя в рот. – Весь день ящики грузили, там как раз новый товар привезли.

– Это хорошо, когда работа есть, – возразил хозяин. – Я бы тоже с вами пошел с удовольствием, если бы не на инвалидности был. А то на пенсию далеко не уедешь!

– На нашу зарплату тоже далеко не уедешь, – не соглашался гость. – Верно, Коля?

– Верно, Саша, – со вздохом кивнул второй гость. – Но лучше такая, чем никакой. Намаялся я без работы, знаю, что это такое... Поэтому – хоть ящики грузить, хоть стены класть, хоть лед колоть, но чтобы знать, что вечером свое получишь... Или раз в месяц, это как получится. Но чтобы совсем без куска хлеба сидеть? Не-ет, я голодать больше не хочу! Порой, бывало, по три дня маковой росины во рту не было. Один раз, помню, с другом подрядились вагоны разгрузить. Там работы, правда, на час всего было. Ну, заплатили как договаривались, так мы сразу картошки купили, нажарили две сковороды и съели... Так не поверите – я от сытости пьяный был! Вот так лежал и чувствовал такую благодать! А не выпил ни грамма, клянусь!

– Ну, что былое вспоминать, – с миролюбивой улыбкой сказал хозяин, который уже разлил водку и разложил закуску. – Что было, то прошло. Вот и давайте теперь выпьем за то, чтобы у нас всегда было что выпить и поесть!

– Причем второе – главное! – поднял палец Коля.

– Нет, надо чтобы и первое, и второе! – не согласился Са-

ша.

– Главное – здоровье, – вздохнул хозяин. – Ну, будем!

Все трое чокнулись и выпили.

– Что-то водка, кажется, того... Не очень, – поделился своими впечатлениями Николай.

– Вот и мне так показалось, – покачал головой хозяин квартиры.

Один Саша был другого мнения:

– Да нормальная водка! Мне еще хозяин магазина сказал, что водка, мол, хорошая, среднего такого класса... Еще говорил, что в магазине у него все путем, никаких накладок не бывает.

– А почему же у нее вкус такой... неводочный? – задал вопрос Николай.

– Ну, может, в ней добавки какие, – поджав плечами, предположил Саша.

– Точно, добавки, – усмехнулся Николай. – Химические. А мы от них не загнемся часом, от этих добавок?

– Слушай, не хочешь, не пей! – разозлился Саша.

– Да ладно, давайте по второй, может, она лучше пойдет? – предложил хозяин, которому неудобно было ругать водку, которую принесли гости. Причем заработав на нее своим трудом. Сам-то он, находясь на инвалидности, ящики грузить не мог и со своей стороны мог предоставить приятелям только свою квартиру да нехитрую закуску.

Выпили по второй. Гости налегали на еду, поскольку были

голодны после рабочего дня. Хозяину больше хотелось общения, душевных разговоров... Собственно, он и выпивал поэтому – ему нужна была компания. С тех пор как он жил один – жена ушла от него, после того как он остался инвалидом, – он чувствовал себя очень одиноким. И эти приятели скрашивали это одиночество. И он рад был им и рад был предоставлять кров и ночлег, когда они в этом нуждались. Собственно, это были такие же бедолаги, поставленные суровыми жизненными законами в тяжелые условия. Это был момент в жизни, когда они нуждались друг в друге, каждый по-своему. И, как часто бывает в таких ситуациях, водка стала частым их спутником.

Но сейчас хозяин чувствовал, что гости не очень-то настроены на общение. Мало того что они устали, так еще, кажется, чувствовали себя неважно. Особенно Николай, который после второй рюмки запросился на диван. Он лег, но не уснул. Но и разговаривать не хотел. Саша, правда, держался лучше, с аппетитом ел и водки подливал.

Через некоторое время и хозяин почувствовал какую-то тяжесть в желудке, боль в животе и головокружение.

– Слабый совсем стал, – извиняющимся тоном обратился он к Саше. – Пойду прилягу, Сань, ты уж не обижайся.

Саша спокойно пожал плечами и подлил себе еще водки. Хозяин накрылся пледом, но заснуть ему не удавалось. Чувствовал он себя все хуже и хуже. Саша продолжал сидеть за столом. Хозяин ворочался с боку на бок, постепенно ему ста-

новилося страшно. Боль в животе усилилась, к тому же появились рвотные позывы.

– Сань! – слабым голосом позвал он. – Что-то плохо мне совсем...

– Да и мне что-то тоже, – удивленно отозвался Александр. – Устал, наверное.

– Сань, врача, может, нужно, а?

– Да какого врача! – отмахнулся Александр. – Где ты его сейчас возьмешь – время десять вечера?

– «Скорую», может? – предложил хозяин.

– Ага, «Скорую»! Делать им больше нечего! Скажут – выпили, чего ж вы хотите! – махнул рукой Александр. – А то я этих врачей не знаю!

Однако и он через некоторое время осторожно прошел к дивану и лег рядом с Николаем. Тот не шевелился.

– Спит, что ли? – сам себя спросил Александр и вдруг увидел, что у Николая открыты глаза.

От неожиданности он вскрикнул и отшатнулся.

– Ты чего? – хозяин с трудом оторвал голову от подушки.

– Колька помер, кажись... – прошептал Александр.

– Вызывай... «Скорую»... – слабым голосом выдавил хозяин, показывая глазами на телефонный аппарат на столе.

– Ага, сейчас! – Александр кинулся к аппарату. – Адрес какой? – повернулся он к хозяину, но тот уже ничего не говорил. Голова его откинулась на подушку, губы посинели...

Александр в отчаянии выругался и проговорил в трубку:

– «Скорая», срочно! Улица Армейская, дом... Черт, не знаю, какой дом! Красная девятиэтажка такая, на углу с Советской! Третий подъезд, квартира сто двадцать пять! Скорее, тут люди умирают!

Глава первая

Несмотря на то что был самый разгар февраля, в воздухе уже чувствовалось веяние весны. Это было пока еще нечто малозаметное, почти неуловимое, как запах хороших духов – легкий, ненавязчивый, но явственный и стойкий. Еще не прилетели грачи, не кружилась голова от разливающегося во всю ширь солнца, и даже снег еще и не думал таять, но было уже ясно: зиме конец. По мелким, даже незначительным признакам было ясно. Одним словом, в воздухе пахло весной.

Я распахнула форточку и с жадностью вдохнула ворвавшийся поток свежего воздуха – хотелось весны, хотелось ею напиться. Но тут же поежилась и бросила взгляд на термометр. Минус шестнадцать! Да, до теплого мартовского солнышка еще далеко... А впрочем, не так уж и далеко. Скорее всего, это последние морозы, последний выплеск эмоций уходящей зимы.

Я люблю весну, причем любую: начиная с марта, когда, несмотря на последние холода, кружит голову от разливающегося, стекающего отовсюду солнечного света, и до окончания мая, когда уже можно загорать на выбравшемся из воды волжском пляжике, поглядывая на затопленные острова вокруг.

Подставив лицо струе свежего ветра, я покрутила головой

туда-сюда и поскорее захлопнула форточку. Хотя я и закаленный человек, схватить ангину было бы в преддверье весны совсем некстати. Да и когда, собственно, она бывает кстати, эта ангина?

Слава богу, зима прошла без эксцессов, все рождественские каникулы я провела в праздном безделье – преступники, наверное, тоже решили взять передышку и не портить праздники. Да и в феврале удалось раскрыть лишь одно дело, довольно скучное и банальное. Так что, с одной стороны, вроде все хорошо в глобальном смысле – преступность падает, а с другой, в узком, – не очень. Я уже соскучилась по острым ощущениям, да и, что там греха таить, в отношении честно заработанных хрустящих купюр тоже испытывала томление.

Правда, я не переживала, как многие мои знакомые, съехавшие на почве пресловутого экономического кризиса, что останусь без работы. Мой труд всегда востребован. Преступники в любые времена совершают свои злодеяния, их никакой кризис не возьмет, негодяев. Как говаривал герой известного фильма: «Эра милосердия – она ведь не скоро наступит». Жаль, конечно, но зато я всегда при работе. Правда, пока тишина, но я была абсолютно уверена, что это временное явление.

Неожиданно я вспомнила о своих любимцах – двенадцатигранных гадальных костях, хранящихся в замшевом мешочке. К ним я обращалась в самых сложных жизненных си-

туациях, задавая вопрос, волновавший меня больше всего на данный момент. А кости следом выдавали комбинацию из цифр, толкование которых я помнила наизусть. И никогда еще мои косточки меня не подводили. И хотя сейчас этап моей жизни нельзя было назвать сложным, я все-таки решила спросить у них, чего же мне ожидать в ближайшее время.

7+20+27. – Все ваши друзья – истинные, – сказали мне мои кости, после того как я бросила их на диван.

– Вот за моральную поддержку спасибо! – весело проговорила я вслух, сгребла косточки обратно в мешочек и в прекрасном настроении проследовала на кухню варить кофе. И тут зазвонил телефон.

Когда я сняла трубку, то услышала явно знакомый голос, только не сразу сообразила, кто же это. Мужчина говорил быстро и громко:

– Таня, это Альберт, есть срочное дело, можно подъехать или лучше ты ко мне?

Тут я поняла, что это мой давний приятель Альберт Веселовский – режиссер, продюсер и вообще яркая личность. Мне даже довелось расследовать одно дело об убийстве на съемочной площадке, где работал Альберт. Это было несколько лет назад, но Альберт мне по сей день благодарен. И вообще, после той истории наши отношения стали крепче и ближе. Мы периодически созванивались, несколько раз в год встречались и старались быть в курсе важных событий в жизни друг друга. Насколько мне было известно, Альберт

сейчас занимался съемками какого-то фильма о развлечениях современной молодежи. Он вообще был молод душой, этот сорокалетний мужчина. И одевался соответственно, в демократичном стиле, лишенном официозности: чаще всего в джинсы и спортивные рубашки, порой даже более похожие на тинейджерские. А еще Альберт отличался любовью к веселым шуткам и розыгрышам, может быть, потому, что родился первого апреля. Да и фамилия у него была подходящая.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Моего друга подозревают в убийстве, – после секундной паузы выдал Альберт.

«Одни сплошные друзья. И все – истинные, – подумала я. – А истинным друзьям отказывать нельзя».

– А это не шутка? – на всякий случай уточнила я. – До апреля еще далеко.

– Какие шутки! – раздраженно отмахнулся Алик. – У меня выходной срывается! Думаешь, мне охота этим заниматься? Ты лучше приезжай скорее!

– Лучше ты приезжай ко мне, – ответила я в трубку. – Я свободна.

Альберт появился через десять минут. Он был одет в развевающийся белый плащ, на шее красовалось легкое кашне – прикид, прямо скажем, не по сезону. И даже не тинейджерский. Лицо Альберта покраснело от мороза, руки без перчаток обветрелись.

– Ты что, не на машине, что ли? – удивилась я, пропуская его в квартиру.

– Какое там! – с досадой махнул рукой Веселовский. – Сегодня у меня выходной, как назло! Я, как нормальный человек, решил хоть раз в месяц отдохнуть по-человечески, устроился с пивом на диване... Кровать еще специально прикупил – люблю, знаешь ли, пиво с креветками. И вдруг – звонок! Жена Короткова позвонила, сказала, что его в убийстве подозревают. Пришлось все бросить и пилить на маршрутку, благо остановка возле дома. Как назло, перчатки еще не взял по привычке...

– Так Коротков и есть твой друг? – уточнила я.

– Ну да, мы с ним еще в школе вместе учились, так что знаю я его отнюдь не первый год и могу сразу тебя уверить, что он никого не убивал. Не тот человек.

– А кого убили-то? – поинтересовалась я.

– Соседку какую-то его! – с досадой поморщился Веселовский. – Убили и карманы обчистили! Наверняка наркоша какой-нибудь! Боже, какая пошлятина! Это даже на дешевый сериал не тянет! Честное слово, я бы даже снимать не стал такую банальщину!

– Подожди, а почему его-то подозревают? – не поняла я.

– Его над трупом застали. С ножом в руках, – выдал Альберт.

– Час от часу не легче, – вздохнула я. – Как нож оказался у него в руках?

– Не знаю! – прижав руки к груди, воскликнул Альберт. – Слушай, у тебя коньяк есть? Ну или водка, на худой конец, замерз как собака!

– Водки у меня точно нет, а коньяк, пожалуй, организовать смогу, – сказала я и подошла к бару. – Только компанию, извини, не составлю.

Альберту, кажется, и не нужны были компаньоны. Он с удовольствием опрокинул в рот рюмку коньяка и потянулся к яблоку в вазе на столе.

– Может, кофе хочешь? – предложила я. – Я как раз себе собиралась варить.

Альберт не отказался и от кофе, причем плеснул в чашку коньяка и вдобавок наполнил рюмку.

– Подожди, – остановила я его. – А то тебя сейчас с мороза развезет, а ты мне так и не расскажешь до конца суть дела. Где находится твой Коротков?

– Я же говорю – в милиции.

– В каком отделении?

– Отделении? – удивленно переспросил Альберт. – Ах да! Он вроде сказал, что во Фрунзенском.

– Фру-унзенское, – протянула я.

– А что? – встрепенулся Веселовский. – Таня, разве тебя остановит название отделения?

– Да погоди ты! – отмахнулась я. – Он что, сам просил тебя, чтобы ты меня нанял?

– Нет. Он вообще о тебе ничего не знает, он просто про-

сил помочь. А я счел, что лучше тебя никто с этим делом не справится. Вот так!

– Спасибо, конечно, за доверие, – усмехнулась я, – а ты уверен, что он захочет оплачивать мои услуги? И сможет ли? Чем вообще господин занимается? Не у тебя снимается часом? Тогда мне гонорара долго ждать придется. Ходят слухи, что ты под маской кризиса деньги сотрудникам не платишь, а, Альбертик? – и я хитро ему подмигнула.

– Кто это такое говорит? – выпучил глаза Веселовский. – Вот люди, а? Везде сплошная черная неблагодарность! Задержал один раз, и то не по своей вине – мне вообще-то Москва платит, а они не прислали! И всего на три дня! Ну, на неделю, может...

– Ладно, ладно, а насчет Короткова-то?

– А он вообще не у меня работает! Он шеф-повар в ресторане «Готика». Так что средства у него есть, не сомневайся. Правда, он несколько прижимист... Да и характер у него... знаешь, не сахар. Вспыльчивый, даже вздорный порой.

– Так, может, он и повздорил с этой соседкой? А потом сам ее и того? – предположила я.

– Что ты, что ты! – замахал руками Веселовский. – Все совсем не так плохо! Он же мухи не обидит! Ну, поорет, руками помашет, а так, чтобы за нож схватиться... Да и нож-то не его.

– А чей?

– Вот этого я не знаю. Лучше ты у него сама спроси. И во-

обще, человека выручать нужно, а ты мне вопросы задаешь!

— Интересно, как я могу его выручить, не узнав, в чем дело, — пожалала я плечами. — И что ты ему сказал?

— Сказал, что сделаю все возможное, чтобы он не переживал и самым сильным моральным потрясением считал разлуку с несколькими сотнями, — хохотнул Веселовский и подлил себе коньяку.

Меня слегка одолевали сомнения, стоит ли браться за дело, предложенное Альбертом. Но... Не зря же всего несколько минут мои кости столь высокопарно отзывались о дружбе. Это не может быть совпадением, в совпадения я не верю. Так что...

— А этот твой скупой Коротков вообще согласится оплачивать мои услуги? Дружба дружбой, знаешь ли, но мне тоже нужно на что-то жить, сам понимаешь.

— Да он не скупой! — тут же пошел на попятную Веселовский. — Я сказал лишь, что он немного прижимист. А это можно трактовать и как неплохое качество! Тебе, между прочим, не мешало бы его в себе выработать!

— Так ты пришел меня жизни учить? — прищурилась я.

— Нет, что ты! — тут же замахал отмороженными руками режиссер. — Я просто говорю, что тебе он заплатит как положено, не сомневайся! Я уже сказал ему о твоих расценках. Кстати, ему разрешили сделать только один звонок, и он уже позвонил мне. Так что, понимаешь, человек там томится без связи, ждет, надеется...

– Ладно, – вздохнула я. – Поехали во Фрунзенское.

– Как? – вытаращился на меня Веселовский. – И я тоже?

– Испугался? – усмехнулась я.

– Погоди, но я-то зачем там нужен? И потом, у меня все-таки выходной... Таня, я сто лет не был в отпуске! Я живу на съемочной площадке, у меня уже гипертония начинается, я спать не могу – мне эти актриски-актеришки снятся и все деньги клянчат!

– Давай-давай, – посмеиваясь, поторопила я его. – А чтобы гипертонии не было, на коньяк поменьше налегай!

– Без коньяка я совсем в психушку загремлю! – уныло вздохнул Альберт, но принялся натягивать свой пижонский плащ.

Мы сели в мою «девятку» и отправились во Фрунзенский РОВД. Мне не раз приходилось бывать здесь, и я решительно прошла внутрь, таща за собой ноющего Альберта. На вахте нас остановил дежурный и потребовал показать паспорт. Я протянула ему документы и спросила, к кому мне обратиться по поводу задержанного Короткова. Дежурный стал накручивать диск допотопного телефона и минуты через две сообщил, что мне необходимо найти капитана Молчалина в комнате 26.

На втором этаже я никак не могла найти кабинет с нужным номером, потом путем логических размышлений сообразила, что он должен следовать за двадцать четвертым по левой стороне. Я толкнула дверь без опознавательных зна-

ков и увидела сидящего за столом светловолосого, почти совсем белого капитана. А напротив него с покрасневшимся лицом восседал незнакомый мне взъерошенный мужчина. В тот момент, когда я вошла в кабинет, он как раз с вытаращенными глазами потрясал руками, пытаясь что-то доказать невозмутимому капитану.

– Виталий! – воскликнул за моей спиной Веселовский.

Незнакомец и капитан тут же повернули головы в нашу сторону.

– Альберт! Слава богу! – вскричал нервный мужчина и даже вскочил со стула, но был остановлен железным окриком капитана.

– Прошу прощения, – громко сказала я. – Мы к капитану Молчалину по поводу этого человека.

– Вы кто? – спросил капитан.

– Я занимаюсь расследованием дела, в котором его обвиняют.

Молчалин хмыкнул.

– Вообще-то это я занимаюсь расследованием этого дела, – снисходительно сказал он. – Не один, конечно, вместе с прокуратурой. Вы откуда? Что-то я вас не знаю.

Я молча протянула ему свое удостоверение частного детектива. Молчалин некоторое время крутил его в руках. Было видно, что мое имя ему ни о чем не говорит.

– Можете узнать обо мне у кого-нибудь из коллег, – добавила я. – У Папазяна, например, или подполковника Кирья-

нова...

– Кирьянова? Насколько я знаю, он уже месяц как полковник, – машинально проинформировал меня Молчалин.

– Неужели? – искренне ахнула я. – Растет парень!

– Да, – односложно прокомментировал капитан. – Извините, сейчас идет допрос, подождите пока в коридоре, потом я вас приму, – сказал Молчалин.

В коридоре мы ждали часа полтора. Веселовский уже весь извелся и изнылся, чтобы я отпустила его домой в его единственный выходной. Сетовал на жизнь, на профессию и даже на жену, которая не работает, и на детей, которые только и знают, что кланчить денег. Как и жена. Как и артисты. Я сочувствовала Альберту, но была неумолима. Мне нужно было его присутствие, чтобы потенциальный клиент в обществе старинного приятеля чувствовал себя более раскованно и больше рассказал по делу.

Наконец мы увидели Молчалина, который высунулся из кабинета и позвал дежурного. Через несколько секунд тот вывел из кабинета закованного в наручники Короткова. Проходя мимо нас, он кинул на Альберта мрачный взгляд, полный тем не менее мольбы.

– Все будет в порядке! – успел крикнуть ему Альберт, а я кивнула в знак подтверждения.

Коротков, видимо, настолько был измотан допросом, что не стал ничего отвечать, а лишь кивнул в ответ.

– Проходите, – сказал Молчалин. – Тут вам рекламу сде-

лал подозреваемый. Говорил, что мы работать не умеем, а вот частный детектив, да еще и лучший в городе, наверняка справится за один день.

Я мысленно удивилась.

– Это я сказал, что ты лучший частный детектив! – с гордостью за свой благородный поступок пошел на мелкий подхалимаж Веселовский и тут же добавил в сторону: – Правда, я уже в этом сомневаюсь...

– Ну, так и что же вы от меня хотите? – вернул нас Молчалин к теме разговора.

– Я хотел бы внести залог. За Короткова. Чтобы его освободили под подписку до выяснения, – высказал свое пожелание Веселовский.

Молчалин нахмурился, поиграл ручкой, потом ответил:

– Боюсь, это невозможно. Слишком явные улики. Сами посудите: на ноже отпечатки его пальцев. И больше ничьих, кстати говоря, мы не обнаружили – это первое. И смерть жертвы наступила примерно в тот момент, когда Короткова заметила соседка.

– А он как-то это объясняет? – прервала капитана я.

– Объясняет. Говорит, что просто шел на работу, увидел труп, решил посмотреть, кто это, и якобы машинально схватился за нож. Вроде эта самая соседка его и испугала своим появлением. Кстати, соседка заявляет, что отношения у Короткова с убитой были плохие.

– Но ведь не будет же он хвататься за нож на этом осно-

вании! – воскликнула я.

– Не скажите, не скажите, – не смутился капитан. – Я общался с ним два часа и могу сказать, что гражданин он нервный, вспыльчивый, неуравновешенный. Как минимум пять раз он бросался на меня с выпученными глазами.

– Это он может, – со вздохом подтвердил Веселовский. – Однако я его знаю давно – не способен он на убийство.

– Ваши слова, к сожалению, к делу не пришьешь, – отрезал капитан. – Разбираться будем, искать других подозреваемых, но пока отпустить я его не могу.

– Можно мне хотя бы поговорить с ним? – спросила я.

– Это не ко мне, это к начальству, – вздохнул капитан. – А сейчас прошу меня извинить. У меня тут еще одно дело.

– Так к кому мне обратиться? – уточнила я.

– Можете к подполковнику Мельникову, можете к нашему начальнику, если он, конечно, на месте.

– Понятно, спасибо, – поднялась я с места.

К Мельникову – это здорово. С Мельниковым мы друзья настолько давние, что даже уже и не помним, как и где познакомились. Сколько совместных дел выпало на нашу долю – всех и не упомнишь! Правда, с недавних пор Мельников заделался подполковником – все-таки далеко пойдут друзья моей юности! – и несколько возгордился, но я-то всегда могу поставить его на место и поучить не задирать нос. Поэтому я решительно набрала номер своего старинного приятеля.

– Я только позавчера вернулся, – объяснил Андрей. – Ез-

дил с комиссией в Ярославль. Начальника там скинут скоро, по нашей наводке.

– Это все хорошо, но у меня тут одна просьба. Мой клиент, его зовут Коротков Виталий Владимирович, попал в нехорошую историю: его подозревают в убийстве. Держат его во Фрунзенском. Я бы хотела с ним встретиться и поговорить.

– Понятно. И что же?

– Как что? Ты же можешь устроить мне встречу. Тем более что ты теперь подполковник.

– Могу, – кратко ответил Мельников. – Перезвони через пятнадцать минут.

Через полчаса формальности были улажены, и мы с Веселовским разговаривали с сидящим через решетку Коротковым. Несмотря на сложившийся стереотип, что повар должен быть как минимум упитанным, перед нами сидел довольно шуплый мужчина лет тридцати восьми – сорока, с мелкими чертами лица и какими-то острыми темно-кариими глазами. Он и впрямь оказался нервным человеком: вертелся на стуле, поминутно порывался вскочить, скидывал руки, и речь его отличалась яркой эмоциональностью.

– Главное, я не могу понять, чего ко мне-то прицепились! – возмущенно повторял он.

– Как раз это-то понятно, – возражала я.

– Ты лучше скажи, зачем ты за нож схватился? – вторил мне Веселовский.

– Да я не собирался за него хвататься! – Коротков аж развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Ладно, давайте к делу.

Я поняла, что подобные вопросы ему уже задавали в течение нескольких предыдущих часов, и лучше было бы выяснить картину происшедшего.

– В общем, так, – тяжело вздохнул Коротков и начал свой рассказ.

* * *

Виталий Владимирович Коротков сидел на кухне и поедал котлеты с грибами, которые он очень любил, приготовленные его женой. Несмотря на то, что он являлся шеф-поваром одного из лучших ресторанов, Виталий Владимирович принципиально ничего не готовил дома. Правда, жена его была очень даже неплохой кулинаркой, особенно ей удавались мясные блюда, и Виталий Владимирович с удовольствием угощался ее стряпней.

Но в это утро, несмотря на поданные к столу его любимые котлеты, Коротков был недоволен. Это недовольство было спровоцировано тем, что жена заикнулась о покупке нового сотового телефона в подарок ей на Восьмое марта.

Коротков зарабатывал достаточно, но еще с молодых лет в структуре его личности прочно гнездилась червь скупости, которую, впрочем, он выдавал за экономность и отчасти да-

же бравировал этим.

– Телефон совсем никуда не годится, – жаловалась супруга, подливая Виталию на тарелку соус. – Глючит постоянно! Да и вообще... Он простой, а я раскладушку хочу! В Торговом центре видела новую модель – такая прелесть! Красненький такой, как я и хотела. И стоит недорого.

Коротков шумно вздохнул, помолчал немного, а потом предложил:

– А давай его в ремонт отдадим.

– В ремонт? Да ему пять лет уже – какой ремонт! – начала заводится супруга. – Там аккумулятор сдох – каждый день заряжать приходится! К вечеру уже разряжается, хочу позвонить, а он отключается!

– Аккумулятор поменять можно, – стоял на своем Виталий Владимирович. – В десять раз дешевле обойдется!

– И вообще, он уже весь обшарпанный! – продолжала гнуть свою линию жена.

– Корпус сменить можно, он вообще сто рублей стоит! – защищался Коротков.

– В конце концов, я попросила подарок к Восьмому марта! – не выдержала жена и перешла на крик. – Я что, раз в год подарков не заслуживаю? Тебе для меня телефона раз в пять лет жалко, да?

Тут в кухню вышел сын Коротковых и с ходу обратился к отцу:

– Пап, Мишке родители ноутбук купили. Он теперь за их

компьютер не садится, не мешает... А у меня скоро день рождения.

Виталий Владимирович отвернулся в другую сторону.

– Себе-то ты новую автомагнитоу купил! – настигла его жена.

Коротков развернулся к сыну.

– И парочку дисков с новыми играми, а то мне старые уже все надоели, – продолжал отпрыск.

Терпение Виталия Владимировича лопнуло, и он закрычал:

– Да... Да куплю я вам все, только отстаньте! Все и так только на вас трачу! Вам-то плевать, конечно, а я только и делаю, что работаю! Машину вон надо чинить – я почему-то у вас на ремонт денег не спрашиваю!

Он нервно забарабанил пальцами по крышке стола и нахмурился. Теперь Коротков переживал уже по поводу того, что вспомнил о предстоящем ремонте машины. Это обстоятельство окончательно испортило ему настроение, и он, не доев даже любимые котлеты, поднялся из-за стола и проследовал в прихожую. Как назло, он резко дернул куртку, и у нее оторвалась вешалка.

– Кто так вешалки пришивает! – возмутился Виталий Владимирович.

– Давай я пришью, – тут же предложила жена, но Короткова уже ничто не могло утешить. Он решительно достал из шкафа кашемировое пальто, в котором немилосердно мерз,

поскольку оно было демисезонным, бросил на жену хмурый взгляд и вышел на лестницу в полной уверенности, что все вокруг его не понимают, мир – бардак и вообще в жизни нет никакого смысла.

Он подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Но сегодня явно был не день Виталия Владимировича – лифт не работал. Длинная тирада, которой он наградил всех, начиная от местной администрации и заканчивая Усамой Бен Ладеном, разнеслась на весь подъезд, однако к починке лифта не привела. Виталий Владимирович в сердцах плюнул и стал спускаться по лестнице. Он дошел до четвертого этажа, как вдруг в пролете заметил лежащее на полу женское тело.

– Напьются с утра, как свиньи! – с ненавистью прокомментировал он увиденное. – Бомжихи эти! Домофон нужно ставить...

Собственно, вопрос о домофоне в подъезде, где проживал Коротков, поднимался давно. И многие жильцы были двумя руками за. Но находились и ярые противники, первым из которых был сам Виталий Владимирович. Его экономное сердце никак не хотело переживаний по поводу потраченных денег на пресловутый замок. В данный момент он, однако, не помнил об этом и костерил «старух-крохоборок», которые также жалели собственные средства.

Он уже хотел было пройти мимо женщины, как вдруг обратил внимание на то, что она одета достаточно хорошо и дорого и ее внешний вид никак не напоминает вид бомжей.

А в следующее мгновение заметил и еще одно обстоятельство, которое заставило его тут же позабыть про домофон, – в спине женщины торчала рукоятка ножа.

– Что это? – растерянно произнес он, оттопырив нижнюю губу. Некоторое время он стоял неподвижно и молча, рассматривая тело и постепенно приходя к выводу, что это уже труп. – Ничего себе... – протянул он.

Затем, движимый в первую очередь любопытством, он потянулся к телу и попытался перевернуть женщину так, чтобы было видно ее лицо. Почему-то в голове у него пронеслась абсурдная мысль о том, что нож может выпасть, и он, несмотря на то что всегда был человеком рассудительным и, как ему казалось, прагматичным, инстинктивно ухватился за рукоятку. Хотя знал, знал Виталий Владимирович, что так делать ни в коем случае нельзя, что так делают только легкомысленные люди, которых полно вокруг. Вот только сам Виталий Владимирович к ним ни в коей мере относиться не может. И вот ведь надо же – черт попутал! Может быть, он вспомнил прочитанный в юности роман Дюма, где один из персонажей был жив до тех пор, пока у него не вытащили из тела нож, а потом сразу умер. Во всяком случае, Коротков руководствовался исключительно благими намерениями – если женщина еще жива, то нужно было не дать ей умереть.

Но он схватился за нож, и это стало роковым эпизодом для него этим утром. Откуда-то сверху послышался шум распахнувшейся двери, а затем торопливые шаги. Завершил

все это отчаянный женский визг. Коротков выпустил нож из рук, обернулся и увидел соседку с четвертого этажа, Наталью Петровну, которую не далее как на прошлой неделе Коротков залил, а в ответ на ее претензии назвал истеричкой. Соседка обиделась и охарактеризовала Короткова, его жену и детей как хамов. Обещала также подать в суд и написать в газету. Коротков послал ее куда подальше и даже плюнул вслед. Такой вот он был эмоционально неуравновешенный, с одной стороны, и сухой – с другой.

В другое время данный бытовой эпизод вряд ли бы имел значение, но тут Короткова застали не в самый лучший момент его жизни. И он в считанные доли секунды вдруг понял, что, похоже, проклятие Натальи Петровны начинает сбываться. Он моментально осознал, как воспринимается ею его нахождение возле трупa с окровавленным ножом, поскольку подозрительный и почти что ненавидящий взгляд соседки об этом красноречиво заявил.

– Ты что ж делаешь-то, а? Бандитская рожа! – для затравки произнесла Наталья Петровна по-театральному тихо.

Но чувствовалось, что это только прелюдия драматического монолога, который должен достигнуть своего пика через минуту. И действительно, вслед за этой произнесенной жутким шепотом фразой последовал оглушительный крик.

– Помогите! Среди дня убивают! – завопила бабка.

А когда Коротков с тщетным намерением оправдаться попытался приблизиться к ней, она, сверкая возмущенными

глазами, завопила еще пуще:

– Милицию! Милицию срочно! Он сейчас весь дом перережет! Не прикасайся ко мне!

Одна за другой стали распахиваться двери в подъезде. Растерянные соседи испуганно спрашивали, что случилось, но Наталья Петровна голосила только, что «одни бандитские рожи кругом» и что «он сейчас весь дом перережет». Коротков, отчаявшийся перекричать ее, бросился наверх, чтобы попытаться объяснить ситуацию другим соседям, но Наталья Петровна, решившая, что он намерен перерезать ей горло, заверещала пуще прежнего и, с невиданной для ее возраста прытью заскочив в квартиру, захлопнула дверь, продолжая вещать оттуда, чтобы немедленно вызвали милицию.

Голос ее, однако, стал звучать тише, и одна из соседок осторожно сделала несколько шагов вниз.

– Господи! – проговорила она. – Да это ж Наташка Белокопытова из семьдесят шестой! Да ее что ж, в самом деле убили, что ли?

– Видимо, да, – вставил наконец Коротков. – Только это не я!

Соседка с подозрением уставилась на него и на всякий случай отступила подальше.

– Да не я это! – начал свирепеть Коротков. – Одна наплела тут не знаю что, а остальные подхватывают!

Это высказывание далеко не лучшим образом повлияло на отношение к нему перепуганных соседок, и одна из них

заявила, что уже позвонила в милицию и что они уже выехали. Коротков помрачнел. Уйти с места происшествия он уже не мог и вынужден был бестолково топтаться на месте в ожидании дальнейших событий.

Среди соседей был и один довольно молодой мужчина, который не столь эмоционально воспринял случившееся. Он-то и угостил смятенного Короткова сигаретой. Коротков как раз докурил сигарету до конца, когда снизу послышалось топание ног и мужские голоса. А вслед за этим в пролете появились и представители правоохранительных органов. Коротков, едва взглянув в лицо идущему впереди милиционеру, сразу зачислил его в разряд своих недоброжелателей. Что, в принципе, очень скоро подтвердилось.

– Капитан Молчалин, – представился милиционер.

– Коротков Виталий Владимирович, – отрапортовал Коротков.

– Вы обнаружили труп?

– Я, – мрачно ответил шеф-повар и опустил голову.

Это показалось капитану Молчалину подозрительным, и он продолжил задавать вопросы. В принципе, они были обычными и ничего особенного не таили, но тут вступила соседка Короткова, которая эмоционально рассказала, что именно Коротков и зарезал женщину.

– У него нож в руке был, я сама видела... Вы посмотрите, посмотрите, какие глаза у него! – с некоторой опаской говорила Наталья Петровна. – Истинный бандит. Весь подъезд

затерроризировал. Живет здесь без году неделя, а безобразничает на полную катушку!

– Вас не спрашивают, – едва сдерживаясь, прокаркал Коротков.

– А я вам скажу больше – он и меня бы прирезал, – на стойчивую Наталью Петровну остановить было сложно.

– Да какое прирезал! Что вы ее слушаете, она уже из ума выжила! – сорвался-таки Коротков.

– Вы брали нож? – строго спросил капитан Молчалин.

– Я? – уточнил на всякий случай Коротков. – Я?

– Да вы, вы! – нетерпеливо подтвердил Молчалин.

– Брал, – признался Коротков.

– Зачем? Это ваш нож?

– Это не мой нож.

– Так, пиши, – обратился к своему помощнику Молчалин. – Нож не его. А чей он?

– Да я откуда знаю! – загорячился Коротков. – Я только тело перевернуть хотел, чтобы рассмотреть, кто это!

– Зачем? – не отступал Молчалин.

– Вы где живете? – вступил в допрос еще один оперативник. – Работаете где?

– Документы ваши... – послышался еще один голос.

– Слушайте, задавайте свои вопросы по очереди, а то я не знаю, кому из вас отвечать, кто тут у вас главный, – вконец возмутился Коротков.

– Ваши документы, – махнув рукой остальным, произнес

Молчалин.

Коротков вынул из кармана паспорт и протянул его капитану. Тот очень внимательно сверил фотографию с оригиналом и пришел к выводу, что они очень сильно отличаются.

– Да я это, кого хотите спросите! – продолжал горячиться Виталий Владимирович, сильно напоминая в этот момент киношного Ивана Васильевича Буншу. – Хотя бы жену мою!

– Так, ладно, – махнул рукой капитан. – Давайте приступайте к осмотру, а вам придется проехать с нами в отделение. Пальчики снять, и все прочее. И вам тоже, – указал он пальцем на соседку Наталью Петровну.

В этот момент на лестничную площадку вышла жена Короткова и, увидев мужа, тут же открыла рот:

– Виталий, а что же ты денег не оставил? Я как раз в магазин собиралась за продуктами...

– Да отстаньте вы... со своими магазинами! – отчаянно рубанул рукой воздух Коротков. – Меня вон в милицию забирают... Из-за вас! Потому что выбили меня из колеи с утра своими запросами! И я от растерянности к этому трупу сунулся.

Тут жена Короткова обратила внимание и на труп, и на соседей, и на криминалистов, которые возились на площадке, и тихо ахнула.

– Что же теперь будет? – испуганно спросила она, а Коротков уже затопал вниз в сопровождении оперативников.

Но неожиданно практицизм его возобладал над эмоция-

ми, и он, словно вспомнив о чем-то, резко поднял голову и крикнул жене:

– Позвони Альберту! На сотовый или домой, куда угодно! Куда вы меня ведете, в какое отделение? – обратился он к Молчалину.

– Во Фрунзенское, – недовольно ответил Молчалин. – Давайте, шагайте скорее, у нас времени мало.

Коротков шумно вздохнул и покорно зашагал вниз.

* * *

– Теперь вы понимаете, кто во всем виноват? – спросил Коротков.

– Нет, – озадаченно ответила я.

– Понимаю, – вздохнул Веселовский, который знал своего приятеля куда лучше, чем я. – Жена, конечно. Она у тебя всегда во всем виновата.

– Конечно! – тут же подхватил Коротков. – Всегда! Потому что всегда лезет под руку! И сынок еще... Растет стяжателем! Весь в маму! Если бы не они, я бы так рано не ушел на работу. И кто-нибудь другой наткнулся бы на эту Наташку! Кому она понадобилась! И главное, не могли убить в другом месте, обязательно надо в нашем подъезде!

– Так, а кто эта Наташка? – перебила я.

– Соседка, говорю!

– Это я поняла. Что вы можете сказать об их семье? И где

они работают? Что вообще собой представляют?

– Да семья как семья, – пожал плечами Коротков. – Он бизнесом вроде бы занимается, а она где-то в санэпидстанции работает. Я как-то у нее отравы для тараканов попросил, так она не дала! Мы из-за этого даже поругались с ней. Она вообще какая-то угрюмая баба. И злобная.

– Ладно, хватит! – не выдержав, прикрикнула я. – Вряд ли ее убили по причине тараканов, так что не тратьте время, говорите по делу. Значит, вы с ней поссорились незадолго до смерти?

– Ну, не то чтобы поссорился, – опустил голову Коротков.

– Вы ее оскорбляли? – уточнила я.

Коротков, насупившись, молчал.

– По-нят-но, – резюмировала я.

– Да я просто сказал, что она скоро лопнет от жадности! – буркнул Виталий Владимирович.

– Какие у них с соседями отношения? – вздохнула я.

– Да не знаю я! Я с ними почти не общаюсь!

– А мужа ее где можно найти, знаете? – спросила я.

– Дома, наверное, – предположил Коротков. – Вообще не знаю, кто ее грохнул! В самом деле, не из-за того же ее убили, что она угрюмая и злобная.

– А муж тоже злобный?

– Нет, – признал Коротков. – Он скорее пофигист. Хотя ее тоже терпеть не мог, это я точно знаю. Они часто ругались.

– Дети есть у них?

– Есть, – мрачно сказал Коротков. – Мальчик. Только он чаще у матери ее или сестры.

– Значит, у убитой есть сестра и мать, – вслух уточнила я.

– Ну да. Да какое это имеет значение! – начал заводиться Коротков. – Вы лучше убийцу найдите!

Я окинула его выразительным взглядом и отчеканила:

– Вообще-то я еще не сказала, что стану искать убийцу! Познакомившись с вами, я пришла к выводу, что вы и впрямь человек несдержанный, к тому же недавно поссорились с убитой, так что, может быть, не зря вас подозревают, а?

Коротков застыл с раскрытым ртом, не зная, что ответить. Тут поспешил вмешаться Веселовский, вид которого в последние минуты свидетельствовал о том, что он уже и сам не рад, что взялся помочь своему непутевому другу.

– Таня, Таня, – заговорил он, – Виталий просто измотан, он боится, пойми, пожалуйста, его состояние! Он никого не убивал, за это я могу поручиться, лично!

– Никого не убивал! – вторил ему Коротков, который, кажется, перепугался, что я сейчас плюну и уйду. – Вы меня простите, пожалуйста, э-э-э... Забыл спросить, как вас зовут?

– Зовут меня Татьяна Александровна, фамилия Иванова, – сухо представилась я. – И хочу сразу расставить все точки над «і». Если я берусь за дело, то довожу его до конца. Своего клиента не бросаю и не подставляю. Информа-

цию личного характера, которую он мне предоставляет, не разглашаю. Но к себе требую уважительного отношения. Не допускаю высокомерного и грубого тона, а также указаний, как мне вести расследование. Расценки мои вам уже известны от Альберта, присовокупите к ним еще и текущие расходы. Расчет за каждый день. Я также не выполняю функций адвоката – я устанавливаю истину. Так что если выяснится, что убийца все-таки вы, не обессудьте: я передам вас в руки властям. Таковы мои условия. Если вы с ними не согласны, я немедленно уезжаю по своим делам и тут же забываю о вас навсегда!

Я говорила очень спокойно, но холодно, твердо и четко, чеканя каждое слово. После моей тирады повисла тишина. Коротков и Веселовский притихли, наконец Виталий Владимирович уныло произнес:

– Простите, Татьяна Александровна, я все понял. Я... Это... Прошу, чтобы вы все-таки все расследовали. Расчет на сегодня получите у Альберта, мы потом с ним сочтемся.

– А завтра? – уточнила я.

– А вы что, за один день все не узнаете? – шепотом спросил Коротков и опустил глаза.

– Нет! – не удержалась я от злорадного тона.

Коротков вздохнул.

– Альберт... – обратился он к своему приятелю. – Ты уж разрули там, ладно? Я тебе сразу все отдам, как только выберусь отсюда.

– Ладно уж, – вздохнул Веселовский. – Не переживай.

– Итак, где можно найти мужа убитой, кроме как дома? Или где мать этой Наташи?

– Да не знаю я! – прижал руки к груди Коротков и чуть не заплакал, всем своим видом выражая горячее желание, но невозможность помочь. Вы лучше у соседей спросите, они точно знают. Им все надо, они везде свой нос суют!

– Пока что я вижу, что это вы свой нос сунули куда не следует, – заметила я, поднимаясь. – Ладно, мне пора.

– Тебе принести что-нибудь? – обратился к Короткову Веселовский.

– Не надо мне ничего! Татьяна Александровна, вы... – смутился Коротков. – Найдите убийцу, Татьяна Александровна, поскорее!

В его голосе зазвучали плаксивые интонации, и я не поняла, чего Виталию Владимировичу не хочется больше: париться в СИЗО или платить за лишние дни расследования.

– Я, конечно же, сделаю все, что смогу, – пообещала я. – Так что не переживайте.

– Жена придет тебя навестить... – оптимистично добавил Веселовский.

– Не надо! – отрезал Коротков. – Нашел, чем порадовать! Я из-за нее сюда и попал! Ладно, это до дома оставим.

Он снова разворчался, и я поспешила оставить его наедине со своими претензиями к миру. Мы с Альбертом вышли на улицу и сели в мою машину.

– Да, твой друг не страдает чрезмерным обаянием, – усмехнувшись, заметила я.

– Ну что поделаешь, зато он хороший человек, порядочный... – виновато сказал Альберт. – Большая редкость, кстати, в наше время.

– Кстати, а ты уверен, что он потом тебе все вернет, – спросила я, – учитывая его... экономность?

– Уверен! – без тени сомнения кивнул Альберт. – В этом я не сомневаюсь. Коротков вообще не любит брать в долг, а если уж приходится – отдает при первой же возможности. За это и уважаю. Вот, кстати, – он достал из кармана плаща бумажник и отсчитал сумму на сегодня и на завтра.

– Ладно, поехали, отвезу тебя домой, – сказала я.

Я доставила Веселовского до дома, пообещав постараться закончить дело поскорее, после чего направилась к дому, где жил Виталий Владимирович Коротков. Дома была его жена – очень милая женщина, кстати сказать. По моей просьбе она сбегала к соседям, выяснила место жительства матери Натальи Белокопытовой и сообщила его мне. Я поблагодарила ее и, попрощавшись, направилась знакомиться с семьей убитой.

Глава вторая

Я была встречена крайне настороженно. В квартире собралась большая компания людей. Собственно говоря, это были все те, с кем я и хотела познакомиться. От соседей Коротковых я уже была примерно осведомлена о составе семьи Натальи.

В большой комнате, по традиции именуемой залом, на диване сидели двое: симпатичный молодой мужчина, стройный, с гладко зачесанными назад черными волосами, и девушка с неяркой, но в то же время миловидной внешностью. Ее светло-русые волосы были собраны на макушке крупной пушистой голубой резинкой, похожей на детскую. И сама девушка скорее напоминала ребенка своей миниатюрностью и выражением лица, особенно больших серых глаз. За столом, опустив голову, сидела пожилая женщина интеллигентного вида и время от времени всхлипывала. Я сразу же поняла, что это мать Наташи. Отдельно от всех, в углу, в кресле сидел солидного вида усатый мужчина, с брюшком, в пиджаке и галстуке, и мрачно курил. Выглядел он довольно высокомерно, хотя и было видно, что он неподдельно переживает случившееся. Скорбь, пускай и с оттенком некоей официальности, читалась на его лице.

Дверь же мне открыла еще одна пожилая женщина, попроще, — довольно крупная, энергичная, с круглым лицом.

Ее крашенные в белый цвет волосы были коротко подстрижены. Она была одета в просторный бордовый свитер в полосу и черные брюки, туго обтягивающие ее крепкий зад.

Я представилась частным детективом, который взялся расследовать дело об убийстве Натальи Белокопытовой, чем и вызвала первоначальную подозрительность женщины, открывшей дверь. Еще больше округлились ее глаза, когда я призналась, что расследую это дело по просьбе подозреваемого Короткова, который меня нанял.

– Вы, наверное, в курсе того, что арестован сосед Наташи, Виталий Владимирович Коротков, – сказала я. – Ему меня рекомендовал мой хороший знакомый, который уверен, что Коротков, несмотря на некоторые отрицательные черты его характера и их недавнюю ссору, не убивал Наталью.

– Вот как? – отреагировала женщина. – Ну что ж, я даже не знаю, что вам сказать.

– Кто там, Рита? – подняла голову женщина, сидящая за столом.

– Аля, тут вот частный детектив пожаловал. Хочет соседа из тюрьмы вытащить, ну, того, которого сегодня арестовали. Который убил...

– Да подождите вы, что значит убил? – вступил в разговор молодой парень. – Еще ничего не доказано.

– Ой, не доказано, не доказано! – махнула на него рукой женщина, открывшая дверь. – Соседи вон говорили, что он бандит настоящий!

– Тетя Рита, что за категоричность такая! Я знаю этого соседа. Мужик вздорный, конечно, но чтобы убить...

– Да вы проходите, проходите, – обратилась ко мне женщина, сидящая за столом. – У меня сестра просто эмоциональная. Рита, проводи женщину, посади ее.

«Итак, женщина за столом – Алевтина Михайловна, мать убитой, а полная подозрительная дама – ее сестра Маргарита», – сделала я про себя вывод.

Я прошла в комнату, и тут мне представились молодые люди, сидевшие на диване. Это были Аркадий Веретенников, муж убитой Наташи, и Анастасия, ее младшая сестра. Правда, девушка выглядела настолько по-детски, что сразу же предложила называть ее Настей, что было вполне естественно.

– Я до сих пор оправиться не могу, – пожаловалась Алевтина Михайловна. – Не могу...

И заплакала. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком графина о стакан – солидный мужчина налил воду для Алевтины Михайловны.

– Спасибо, – сказала она и выпила воду. – Я тоже не очень-то верю, что этот сосед убил Наташеньку. Зачем это ему надо было? Ой, да что же это на меня такая беда свалилась! – снова запричитала она.

– Аля, успокойся, – пробасил солидный мужчина и, поймав мой взгляд, соизволил представиться: – Иннокентий Станиславович Белокопытов, отец Наташи.

– А вы что же, давно занимаетесь, так сказать, частным сыском? – поинтересовался он после паузы, недоверчиво глядя на меня.

– Уже много лет. И надо признать, довольно успешно.

– Гм... – Он посмотрел на меня еще пристальнее. – И у вас что же, рекомендации есть?

– Есть, – весело подтвердила я. – Чаще всего благодаря им я и берусь за очередное дело. Кстати, могу сообщить, что пока на моем счету не числится ни одного нераскрытого дела.

В глазах Иннокентия Станиславовича промелькнул скепсис. Он даже усмехнулся уголками губ, и я подумала, что он, видимо, решил при случае навести справки обо мне, используя свои связи. Что ж, мне скрывать, а уж тем более бояться было нечего. За что-что, а за свою репутацию частного сыщика мне совсем не стыдно.

– Неужели? – удивился Аркадий. – И вы считаете, что сможете найти настоящего убийцу?

– Почему бы и нет? До сих пор вроде удавалось, – сказала я.

Иннокентий Станиславович уже более откровенно усмехнулся себе в усы.

– И что же вы хотите узнать? – спросил он полунасмешливо-полуснисходительно.

– Я ничего не знаю о Наташе. Не знаю, чем она жила, с кем общалась, были ли у нее враги... – начала я.

– Враги – это вы зря, – убежденно ответствовала Марга-

рита Михайловна. — Моя племянница, царствие ей небесное, характером пошла в папу, — она кинула взгляд в сторону Иннокентия Станиславовича, — так что пай-девочкой ее назвать было нельзя. Но чтобы вот так ненавидеть и желать смерти! Вряд ли, вряд ли...

Тетка покачала головой.

— Аркадий, ты, что ли, скажи! — обратилась она к мужу Наташи. — Ты ведь с ней жил, а не мы! Что, она поцапалась, что ли, с этим Коротковым, или как его там?

— Говорила, что поцапалась из-за какой-то ерунды! Из-за отравы для тараканов, что ли... Но это же пустяки! А больше она ни с кем вроде не цапалась, кроме... — Аркадий замолчал на полуслове и нерешительно добавил: — Кроме меня. Но я... Меня-то, я надеюсь, вы не подозреваете?

— Тебя не подозреваем, — ответила за всех Маргарита Михайловна, а я заметила, как нахмурился Иннокентий Станиславович.

Тем временем он затушил сигарету в пепельнице, встал, подошел к сидевшей по-прежнему в трагической позе Алевтине Михайловне и обнял ее за плечи. В этот момент дверь еще в одну комнату отворилась, и на пороге появился изможденный седой мужчина невысокого роста. Он поморщился и осипшим, каким-то неестественным голосом попросил:

— Аля, если можно, прошу тебя, давай проветрим комнату.

На его просьбу как-то нервно отреагировала Маргарита

Михайловна – она порывисто бросилась к окну и приоткрыла его. Потом бросила укоризненный взгляд на Иннокентия Станиславовича.

– Артемий Владимирович, я извиняюсь, – сухо сказал первый муж Алевтины Михайловны, Иннокентий Станиславович. – Дурная привычка, и потом – нервы... Аля, мне пора.

Хозяйка подняла на бывшего мужа заплаканные глаза.

– Я предприму кое-какие действия по своим каналам, – подбодрил ее он. – Есть у меня на примете один парень, он лучше, чем менты, разберется в этом деле.

– Да что уж тут предпринимать, Наташеньку-то не воро-тишь... Доченьку-то нашу! – женщина затряслась в рыданиях.

Тем временем мужчина, которого называли Артемием Владимировичем, снова удалился в свою комнату. Отвечая на немой вопрос, застывший в моих глазах, сидевшая ближе всех ко мне Настя сказала:

– Папа не переносит табачного дыма. Он болеет.

– Папа? – удивилась я. – А Иннокентий Станиславович?

– Он – первый муж моей мамы и отец Наташи, – пояснила Настя. – А я дочь Артемия Владимировича, наша фамилия Полунины. И мамина тоже.

– А у вашей тети? На всякий случай...

– Синельникова. Маргарита Михайловна Синельникова.

Иннокентий Станиславович уже направился в прихожую.

Я, хоть и чувствовала, что этот человек относится ко мне с недоверием, все же решила обратить на себя внимание, пока он не ушел.

– Я прошу прощения, но все-таки не могли бы вы сказать, кого вы подозреваете сами? – задала я вопрос, обращенный ко всем присутствующим. – Кстати, Иннокентий Станиславович, пока вы не ушли, может быть, вы тоже ответите?

Отец Наташи бросил на меня холодный взгляд и пожал плечами.

– Мне нечего сказать по этому поводу. Мы с Наташей не так часто виделись, и она не особо откровенничала о своей жизни. Я думаю, что надо разбираться более детально. Но со своей стороны я уже высказал мнение – у меня есть человек, который сможет грамотно провести расследование. И если виновен ваш Коротков, значит, он будет сидеть в тюрьме. А сейчас извините, мне пора, – он красноречиво показал на часы. – Маргарита, я распорядился насчет всего, что нужно. Завтра я позвоню и уточню детали похорон, – бросил он напоследок.

После упоминания слова «похороны» снова зашла в плаче Алевтина Михайловна. Заботливая сестра Маргарита принесла ей из кухни успокоительное и заставила выпить.

– Аркадий, может, вы скажете что-нибудь более определенное? – сосредоточила я внимание на муже Наташи. – Может быть, в последнее время вы что-то заметили?

Аркадий пожал плечами, а потом задумался.

– Да нет, все было как раньше. Как обычно, – ответил он после своих раздумий. – О своих делах на работе Наташа не распространялась, а вроде бы больше и... говорить не о чем.

– Может быть, у нее есть подруги, которые в курсе ее дел? – осторожно спросила я.

– Нет, – ответил Аркадий. – Она особо с подругами не общалась. У нее их и было-то две. Одна – на работе, другая – одноклассница, так она сейчас с маленьким ребенком сидит, недавно родила. Так что с работы Наташа всегда домой утром приходила и обратно на работу уходила.

– Она что, нигде больше не бывала?

– Ну, со мной иногда, в гости, к моим родителям, к другу моему, – неохотно ответил Аркадий. – Да мне и некогда особо по друзьям-то шастать. Я на работе до вечера, а она дома любила сидеть.

«Дома сидеть любила, а ребенка все время отдавала родителям», – подумала я, но никакого вывода из этого факта пока сделать не смогла. Видимо, мне нужно выходить на более доверительный контакт с кем-то из присутствующих. И наиболее подходящим вариантом мне показалась сестра Натальи Настя. Она выглядела наиболее доверчивой и открытой.

В это время зазвонил телефон. К нему тут же подошла Маргарита, которая в этот вечер выполняла функции и дворцового, и секретаря.

– Алло! – сказала она в трубку. – Наташа?.. Ой, а Наташи нет... Ее убили. Сегодня утром... А кто ее спрашивает? –

как бы опомнившись, быстро спросила она.

После нескольких секунд молчания Маргарита Михайловна отодвинула трубку от уха и обвела всех недоуменным взглядом.

– Трубку бросили, – объяснила она.

– А кто звонил-то? – поинтересовался Аркадий.

– Мужчина какой-то.

– Мужчина? – переспросил Аркадий и нахмурился.

Я, почувствовав хоть какую-то зацепку, спросила у него:

– Вы что-то вспомнили?

Аркадий немного помялся, пожал плечами и проговорил:

– Вы знаете, я вспомнил, что... Были какие-то звонки в последнее время, когда Наташа... Ну, в общем, она старалась уходить в другую комнату – у нас радиотелефон, так что это вполне реально. Чтобы, значит, не мешать мне, – пояснил он. – Но...

– Что «но»? – нетерпеливо спросила я.

– Она после этих разговоров выглядела какой-то как бы не в своей тарелке. Я спрашивал, кто звонил, она говорила, что с работы и вроде бы там какие-то неприятности. А какие неприятности – не говорила. Да и мне особо...

Аркадий остановился на полуслове, и я поняла, что он хотел сказать: «Да мне и не особо интересно было», но, видимо устыдившись сейчас такой своей позиции, не стал продолжать.

– Я так понимаю, у вас с женой были не слишком хорошие

отношения, — сказала я, стараясь говорить не очень жестко.

— Да, — ответил Аркадий и с неким вызовом посмотрел мне в глаза. — И, кстати, никакого секрета мы из этого не делали.

— Да какое это имеет сейчас значение! — всплеснула руками Маргарита Михайловна. — Молчи уж! А то и тебя заметут еще!

— Меня-то за что? — удивился Аркадий.

— А за то! Думаешь, они разбираться, что ли, будут! — продолжала неистовствовать Маргарита Михайловна. — Узнают, что вы как кошка с собакой жили, да и обрадуются.

— Ну, знаете ли, я не собираюсь тут все это слушать. — Аркадий вскочил с места и направился в прихожую. — Пойду покурю лучше на лестницу. А насчет Наташи могу сказать, что хоть мы и терпеть друг друга не могли, но убивать ее мне никакого резона не было. Проще было бы развестись.

Сказав все это, Аркадий обулся и вышел за дверь. Немного погодя Настя встала со своего места и, посмотрев на тетю Риту с неким укором, пошла вслед за Аркадием. В комнате остались две сестры и я.

— А вы сами как думаете, кто мог желать зла вашей дочери? — обратилась я к Алевтине Михайловне.

— Ой, не знаю я! — замахала руками хозяйка. — Я вообще думаю, что ее перепутали с кем-нибудь. Или ограбить хотели. Район там у них плохой, я сколько раз им говорила, чтобы квартиру поменяли. А она одевается хорошо, золото опять

же.

– Но золото, по-моему, не пропало. Да и все остальные вещи в квартире целы, – возразила я. – Кстати, а куда она направлялась?

– На работу, конечно, куда же еще, – недоуменно посмотрела на меня мать.

– А сколько у нее было с собой денег, вам не сообщили?

– Да рублей сто – сто пятьдесят в кармане. А зачем ей больше-то?

«Значит, версия ограбления отпадает, – сделала вывод я. – Если только у нее не было еще каких-нибудь денег, о которых никто не знал».

– А вот Аркадий говорил о каких-то подозрительных звонках. Вы сами ничего не слышали об этом? Или, может быть, еще о чем-то странном в последнее время?

– Ничего такого вроде бы не было. Все как обычно, – вздохнула Алевтина Михайловна. – Она Кирилла нам привезла три дня назад, сказала, что устала очень. Правда, нервная была и дерганая. Но это и так понятно – у ней работа-то какая! И с мужем, опять же, нелады.

– А что работа? – спросила я. – По-моему, она работает в санэпидстанции.

– Так вот там нервы и треплют все подряд, – вступила в разговор тетя Рита. – Постоянно проверки всякие, а там сколько махинаций вскрывается! Ей же нужно обо всем этом докладывать, акты составлять. Ей и угрожать могли, и все

что хочешь! Так что...

– А вы знаете что-нибудь конкретное? – ухватилась я за эту версию.

– Откуда же нам знать? – смутилась Маргарита Михайловна. – Так, наслышаны просто.

– А мужа ее вы действительно не считаете виновным?

– Да нет, что вы! – перекрестилась Алевтина Михайловна. – Аркадий – парень положительный, добрый. И не знаю я уж, чего им было не жить? Квартира есть, машина, оба пристроены, и с ребенком мы не отказываемся посидеть. Вон мальчик-то какой хороший!

– А где, кстати, мальчик?

– К соседям его отправили, – пояснила тетя Рита. – Как милиция приехала, я и отвела. Нечего ему здесь на все это смотреть. А он все спрашивает, где мама, где мама! Уж и не знаем, как ему сказать-то!

Маргарита Михайловна расплакалась. Более-менее державшая себя в руках Алевтина Михайловна тоже не выдержала, и комната огласилась рыданиями двух женщин.

Тем временем вернулись Настя с Аркадием. Их лица были мрачны и сосредоточены.

– Алевтина Михайловна, мне пора ехать, – сказал Аркадий. – С вами же Маргарита Михайловна останется и Настя. Да и Артемий Владимирович...

– Этот совсем плохой стал, – понизив голос, махнула рукой тетя Рита. – Больной весь, совсем больной! Даже лицо

больное у него! Не дай бог, случится чего, прямо и не знаю, чего с Алей будет.

– Да хватит вам уж каркать-то, тетя Рита! – возмутилась Настя. – Папа давно болеет, а кто всю жизнь болеет, обычно долго живет.

– Да я разве что говорю! – словно оправдываясь, развела руками тетя Рита. – Я, наоборот, только и желаю, чтобы жил долго. Господи, о вас только и думаю, кроме вас-то, у меня и нет никого! И тебе поэтому, – перевела она взгляд на Аркадия, – говорю: помалкивай лучше! А то прицепятся, с кем мать-то останется. Мальчишку вон еще поднимать надо.

– Так, ну хватит! – отрезал Аркадий и повернулся к двери. – Я пошел, мне еще на работу заехать нужно, а то завтра дел невпроворот. А о сыне моем вы не беспокойтесь. Я пока, слава богу, жив и помирать не собираюсь.

– Аркадий, а где вы работаете? – остановила его я.

– В фирме «Космос», занимаю должность финансового директора, – отрапортовал Веретенников уже из коридора.

После ухода Аркадия сестры повздыхали, и я поняла, что больше мне здесь ничего не узнать. Однако оставалась Настя, и именно к ней я и обратилась:

– Настя, вы не проводите меня? Мне бы хотелось с вами поговорить. А Алевтину Михайловну я больше тревожить не хочу. Вы не против, если мы поговорим в моей машине?

– Да что ж Настюша-то может вам еще сказать? – снова вступила Маргарита Михайловна. – И так уж все выложили,

как на духу.

– Я пойду, – отмахнулась от тетки Настя.

Мы спустились вниз и сели в мою «девятку». Несмотря на то что на дворе стоял мороз, в салоне было тепло, уютно, а в бардачке я разыскала фляжку коньяка, которую некогда забыл здесь один мой попутчик, и предложила Насте. Та не отказалась, закурила сигарету, попутно сказав, что старается не курить при родителях, и спросила:

– Так о чем вы хотели поговорить?

– Настя, у меня пока что нет никаких версий, и я просто разбираюсь в ситуации. Поэтому и хочу вас попросить рассказать, что за отношения были в вашей семье. Возможно, что это и не имеет отношения к случившемуся, но, повторяю, версий пока у меня нет. Так что очень вас прошу просто рассказать мне о своей семье.

Настя внимательно смотрела на меня и понимающе кивала. Потом сказала:

– Я, собственно, не против... Только не знаю, с чего начать.

– Ну, начните с того, как вы сами относились к сестре.

Настя как-то мучительно вздохнула.

– Знаете, это сложный вопрос. Дело в том, что мы с Наташей от разных отцов и никогда не были близки, как это ни печально. В других семьях часто бывает по-другому, но у нас получилось вот так.

– А из-за чего это? Или из-за кого?

– Если вы думаете, что из-за мамы, то ошибаетесь! – тут же торопливо проговорила Настя, прижав руки к груди. – Мама никогда нас не разделяла. Скорее дело в самой Наташе. Она очень высокомерно относилась к моему отцу, постоянно подчеркивала, что папа неудачник, что он, в отличие от ее родного отца, ничего не добился в жизни. Хотя папа просто больной человек... – Настя всхлипнула. – И он всегда возился с Наташей как с родной. А она не ценила этого. И ко мне по этой причине относилась свысока. Да и к маме. Знаете, мне кажется, что она никак не могла простить маме то, что она развелась с ее отцом и что ее саму воспитывал отчим-неудачник, а не преуспевающий отец.

– Но разве ее отец не помогал ей материально?

– Помогал. И даже очень. Да и не только ей, а нам всем. Он и маму не забывал, и Аркадия поддерживал, устроил его на хорошую работу... Понятно, что он муж его дочери, – словно спохватилась Настя, – но мы все не можем на него пожаловаться. Иннокентий Станиславович хоть и держится сухо, но человек он добрый и заботливый.

– А почему ваша мама с ним развелась, вы не в курсе? Простите за нескромный вопрос.

Вопрос этот, однако, нисколько не смутил девушку.

– Вообще-то, если быть точной, то это не мама, а он с ней развелся. Он просто нашел другую женщину... Анжелика Константиновна моложе мамы и, наверное, красивее. Хотя и мама тогда была нестарой. Но Анжелика Константиновна

была совсем девочкой. Я уж не знаю, чем она его привлекла до такой степени, мама никогда об этом не говорила, но тем не менее он оставил семью. Мама рассказывала, что она очень переживала поначалу, а потом появился мой папа. Он очень мягкий человек, и знакомство с ним помогло маме пережить обиду. К тому же, как я говорила, Иннокентий Станиславович продолжал помогать маме и Наташе, держался всегда спокойно и ровно, так что постепенно отношения с мамой у них наладились, и она больше не вспоминала обиду. А потом родилась я, и у мамы прибавилось забот... То есть она стала жить уже совсем другой жизнью. Знаете, я думаю, что мы все могли бы жить очень хорошо и дружно. Я имею в виду нашу семью, Наташу, Аркадия, Иннокентия Станиславовича... Не знаю, как насчет Анжелики Константиновны – она у нас никогда не была, и я видела ее всего несколько раз, – но Иннокентий Станиславович всегда был настроен весьма дружелюбно. И все было бы отлично, если бы не Наташа. Вы только не подумайте, что я сейчас поливаю сестру грязью! – Настя умоляюще посмотрела на меня. – Какая бы она ни была, она моя сестра! Просто я думаю, что вам нужна истинная картина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.